

Crime & private

Анна Данилова

Солнце в ночном небе

«Автор»

Данилова А.

Солнце в ночном небе / А. Данилова — «Автор», — (Crime & private)

ISBN 978-5-699-31344-0

Она стала проклятием их дружной, счастливой семьи. Эксцентричные выходки и хамское пренебрежение к приютившим ее Тумановым довели до того, что родители и старшая дочь Валентина вздохнули с облегчением, когда красивая стерва Серафима исчезла, прихватив ценности и Валины документы. И даже не поехали на похороны в Германию, где через некоторое время нашли труп их кошмарной родственницы. Наступает долгожданная гармония, как вдруг Валя получает приглашение от Симы приехать к ней в Штраубинг, причем втайне от родителей. Страшась неизвестности и переживая за покой семьи, девушка решается на поездку...

ISBN 978-5-699-31344-0

© Данилова А.

© Автор

Содержание

* * *	6
1	7
2	9
3	14
4	16
5	19
6	22
7	27
8	30
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Анна Данилова Солнце в ночном небе

Дорогой папа Митрес!

Желаю счастья, мира и
здоровья! А мне — любви —
то самое лучшее в жизни!

Учитайте, познавайте и
используйте удовольствие от
жизни! И творите сами!

Анне Даниловой (франц.)

* * *

Меликсер вела машину медленно, едва дыша, и иногда ей казалось, что машина – живое существо и все понимает, а потому тоже едва дышит и плавно скользит по гладкой дороге, всматриваясь в темноту ночного города своими тусклыми, с приглушенным светом фарами. Проезжая мимо фонарей, машина освещалась изнутри голубовато-мертвенным светом, и тогда серебряные кольца Меликсер (на правой руке их было все пять, узкое с черным орнаментом было надето даже на большой палец) поблескивали, оживали... Она старалась не думать о том, что везет, о том, что находится в багажнике ее старенького «Опеля», о том голубом одеяле в красных влажных пятнах, в которое было завернуто то, от чего она должна была избавиться. Сама. Без свидетелей. Меликсер плавно повернула руль, и машина покатила в сторону парка...

1

Штраубинг, 1991 г.

Фрау Ульрика Хассельман зашла в кладовку, достала с полки корзину и вернулась с ней в спальню. Собрала с кровати и пола окровавленную одежду, тряпки, полотенца и аккуратно сложила в корзину. Делала она все это как во сне, но верными, отточенными движениями, словно занималась этим всю свою жизнь. С полной корзиной она вышла из дома в садик, поставила кладь на дорожку и направилась к воротам гаража. Там нашла канистру с бензином. В фартуке, расшитом петухами, лежал коробок спичек. Корзину и канистру она принесла на небольшую полянку между яблоней и кустами малины. Вывалила на траву содержимое корзины, полила его бензином и подожгла. Все сгорело быстро, ярко, словно торопясь исчезнуть и превратиться в пепел. После этого Ульрика отнесла корзину в кладовку, канистру – в гараж. И снова вернулась в сад. Прошла несколько метров до каменной изгороди, поросшей зеленым мхом, взяла в руки приготовленный, заранее вычищенный деревянный крест с медной табличкой «KLAUDIYA», еще раз машинально протерла фартуком надпись и отложила его в сторону. Потом принесла лопату и принялась рыть землю...

Через час, вымотанная, вся в поту, она не выдержала, зашла в дом, умылась и, посидев в кресле несколько минут, взяла в руки телефон.

– Люлита... – Она сделала глубокий вдох и шумно выдохнула. Пот проступил на лбу, Ульрика промокнула его фартуком. – Люлита, дорогая... Ты можешь, конечно, не приходить. Но... я... я испекла твой любимый яблочный штрудель.

– Ты сама делала тесто? – строгим голосом спросила соседка, самый близкий Ульрике человек на свете. Люлита любила штрудель, приготовленный не из магазинного слоеного теста, а из теста, сделанного руками самой Ульрики, на сливочном масле.

– Да... – усмехнулась про себя Ульрика. – Все, как ты любишь.

– Корицы не пожалела?

– Нет.

– И орехов много положила?

– И орехов... много...

– Через пять минут буду. Лимон принести?

– Как хочешь.

– Ладно, я вижу, ты хочешь кофе. Так я иду?

– Иди... – Ульрика с трудом сдержала слезы.

...Чтобы объяснить Люлите, что произошло, понадобилось всего десять минут. После этого обе женщины в молчании усталились на распростертый на полу труп.

– Ты можешь прямо сейчас уйти и забыть все это, как страшный сон... – прошептала, глотая слезы, фрау Ульрика. – Я даже протру дверные ручки, словно тебя и не было. Наверное, дорогая моя подружка, я не должна была звать тебя. Да и штруделя у меня нет...

– Я так тебе скажу, Ульрика. Если бы у меня такое случилось, я тоже позвонила бы тебе... И больше – никому. Пойдем. Давай лопату, вдвоем мы с тобой быстро все сделаем. Главное – запри ворота и дверь. Чтобы ни в дом, ни тем более в сад никто не смог войти.

Они копали дотемна. Время от времени делали передышку. Стояли, тяжело дыша, глядя на дно будущей могилы, и каждая из женщин думала о чем-то своем...

Потом, уже когда совсем стемнело, вынесли из дома тело, завернутое в одеяло, положили в яму, присыпали землей. Сверху воткнули крест. Вернулись в дом. Помылись, привели себя в порядок. Ульрика быстро накрыла на стол, поставила чашки, блюдо с ореховым рулетом.

– Магазиновый, – сразу предупредила она подругу. – Но свежий. Предлагаю сделать вид, словно ничего не произошло. Иначе просто невозможно жить. Давай попробуем представить себе, что ты только что пришла ко мне на чашку кофе. Как обычно.

– Представила. Но тогда мне придется поворчать насчет того, что рулет магазинный. Ульрика, согласишься, что магазинный рулет все равно не такой, как если бы его сделала ты...

Ульрика была ей благодарна за все: за то, что Люлита в такой момент рядом с ней и даже пытается шутить.

– Ты поедешь в Мюнхен?

– Да. Завтра же. Я все решила. Я должна сделать все, о чем рассказала тебе. Понимаешь, с этого времени меня не покидает чувство, что за мной следят. И так будет все пятнадцать лет. Если, конечно, все то, что я узнала, окажется правдой.

– Как же тебе сейчас тяжело...

– Тяжело. Но я ни о чем не жалею. Я просто не могла поступить иначе, понимаешь?

– Понимаю.

– А ты, ты, Люлита, как бы поступила?

– Так же. Думаю, что у тебя и выбора-то не было... Главное, чтобы Юрген ничего никогда не узнал. Не думаю, что он сможет понять тебя.

– Он никогда и ничего не узнает. Во всяком случае, я постараюсь сделать для этого все возможное... Люлита! Ты пьешь кофе без молока! Это так на тебя не похоже!

– Да... не знаю, как это получилось. По рассеянности.

– Ты волнуешься, подружка моя. Но ничего. Надо просто взять себя в руки...

Ульрика взяла в руки молочник и плеснула молоко в кофе Люлиты.

– Хочешь, я отрежу тебе еще кусок рулета?

Вместо ответа Люлита протянула к ней руки – Ульрика крепко сжала их. Она знала, она была уверена, что подруга придет ей на помощь.

2

Так приятно было пройтись по новому паркету, заглянуть в чистенькую, еще пахнущую краской кухню, включить новую кофеварку и потом надолго встать под спасительный освежающий утренний душ...

Валя Туманова вышла из ванной комнаты, завернувшись в полотенце. В квартире было тихо. «Все ушли на фронт». Это означало, что родители – на работе и она предоставлена сама себе. Хотя, конечно, в детской спит маленькая Гера. Ее родная трехмесячная сестра, совсем еще малютка. И если так тихо, значит, няня тоже спит... И Валентина может делать все, что угодно, – читать, смотреть телевизор, уйти с головой в Интернет. Летом она провалила вступительные экзамены в университет на филфак и теперь усиленно готовилась к новым, в следующем году. Еще осенью немного поработала в «Макдоналдсе», но ее семья почему-то решила, что это пустая трата времени, деньги на карманные расходы ей все равно будут выдавать, так что лучше не торчать все время за прилавком, принимая заказы на американские бутерброды, а использовать его на благо учебы. Валя же эти месяцы воспринимала по-своему – как упоительные, тянущиеся долгие месяцы каникулы. Времени было так много, что она успела перечитать огромное количество книг, даже вошла во вкус и почитала древнерусские сочинения, не считая классики и зарубежной литературы. Она составила себе план и осваивала один пласт литературы за другим, стараясь воспринимать тексты в соответствии с той эпохой, в которой они были написаны, – чтобы окончательно не запутаться, не закопаться. Оказалось, что учиться иногда бывает приятно и интересно. Особенно если ты дома, где тебя все любят и не могут на тебя надыхаться. Когда она занимается в своей комнате, родители вообще ходят, что называется, на цыпочках.

Но так благостно и спокойно в их доме стало не так давно. Это сейчас они живут одной семьей: родители – мама Маша, папа Сережа – и Валя с Герой. Раньше, когда Геры не было (кажется, в другой жизни), с ними в этой же квартире жила родная сестра мамы – Сима. Серафима. Все, что было у нее в жизни, она потеряла по легкомыслию, доверчивости, слабости характера и по дурости, как считал отец Валентины. Прежде у Симы, младшей сестры мамы, была своя квартира, семья, маленький ребенок. Но мужа посадили за разбой, и он умер в тюрьме. А ребенок, крохотный сынок, которого Сима даже не успела назвать, умер во сне – Сима сама раздавила его своим телом... Хотя мама считает, что малыш умер от передозировки снотворного, которым Сима пичкала его, когда к ней приходили мужики. И это удивительно, что ее не посадили и смерть ребенка восприняли как несчастный случай. Потом Сима заложила квартиру, хотела заняться торговлей, но дело не пошло, деньги ушли неизвестно куда, квартира была потеряна, и Сима с набором вредных привычек (включая начавшуюся алкогольную зависимость и склонность к разгульному образу жизни), с неизменной сигаретой в зубах позвонила в дверь их чистой и тихой, мирной квартиры.

Валя вспоминала пору их жизни с Симой (а они прожили все вместе больше трех лет) с содроганием и таким чувством, что в их квартире поселился сам дьявол. Все отрицательное, что только можно было себе вообразить в отношении молодой женщины, – все находило место в жизни непутевой Симы. Она была старше Вали всего на пять лет и выглядела на удивление свежей и красивой даже после недельных попок в каких-то компаниях, после бурных романов, заканчивавшихся одинаково пошло и трагично (мутная депрессия, месяц в клинике плюс аборт). Ничто не брало Симу. Сколько бы она ни принимала на грудь (выражение папы), сколько бы ни смолила (выражение мамы), ее лицо было всегда гладким, румяным, глаза блестящие, а зубы поражали своей неестественной белизной. «Ты дура, Симка, тебе бог отпустил такую красоту, а ты тратишь ее на своих мужиков... Смолишь, как сапожник, пьешь, как лошадь, и все тебе нипочем...» Сима даже и не слушала сестру, отмахивалась: мол, отстань,

и без тебя тошно. Понятное дело, что Сима нигде не работала. Считала, что муж сестры достаточно зарабатывает, чтобы содержать и ее. Постоянно клянчила деньги то у Маши, то у Сергея. Не стеснялась выпрашивать на такси или сигареты даже у Вали. Никто не знал, где она пропадала, и в семье наступала тишь и благодать, когда Симы подолгу не бывало. Общее нервное напряжение, связанное с пребыванием в квартире такой шумной, скандальной и раздражавшей всех личности, уступало место семейной идиллии. Валя с родителями, как ей тогда казалось, любили в такие минуты друг друга особенно сильно и нежно и старались во всем потакать друг другу, баловать. Валя с особым рвением помогала маме убирать квартиру, готовить и даже гладила белье. Отец приносил что-нибудь вкусное, дарил «своим женщинам» (как он любил шутить) подарки. И они все, не сговариваясь, делали вид, что никакой Симы нет и в помине. Что она им всем приснилась, как кошмарный сон.

Валя до сих пор удивлялась, как это им удалось просуществовать всем вместе целых три года, если учитывать, что Сима всегда вела себя вызывающе и отец мог бы уже давно разругаться в пух и прах с мамой: мол, это твоя сестра, вот сама с ней и разбирайся. Но папа любит маму – это закон, который в их семье никогда не нарушался. И что бы в семье ни происходило, мама всегда была права. Так считал отец. Так и считает до сих пор.

Сима спала до обеда, курила в постели, надолго занимала ванную комнату, а когда выходила оттуда, все полы были неизменно залиты водой, на стиральной машине валялись мокрые полотенца (никто не понимал, почему Сима не развешивает их на горячей сушилке), а грязное белье лежало ворохом возле корзины для белья. Ела Сима отдельно от семьи, то есть ела, конечно же, все приготовленное мамой, но предпочитала это делать в одиночестве, у себя в комнате, перед телевизором. И куски брала всегда самые хорошие, а если не доедала, то оставляла поднос с объедками и грязной посудой в кухне: мол, вот вам, помойте... Спокойно вваливалась в спальню к родителям, отпуская грязные шуточки. Носила вещи сестры и племянницы, благо все было ей впору, по размеру. Таскала из маминой спальни косметику и духи, прокладки, новые колготки, носовые платки, драгоценности... Валя удивлялась терпеливости мамы и иногда чувствовала, глядя на нее, с каким трудом ей удастся сдерживаться, чтобы не надавать сестре оплеух... Сима могла спокойно расхаживать по дому в пижаме или вообще в negligé. Накрасит губы яркой помадой, устроится в гостиной с бутылкой пива на диване, задерет ноги и сидит в присутствии отца, словно так и надо. А то еще и подмигивать ему начнет, пьяно приставать, мол, смотри, какая я, выгляжу, как твоя дочь. И Валя была вынуждена согласиться, что они действительно были с ней чем-то похожи. Неуловимо. Фигурой, мастью (как говорила мама), большими карими глазами, волосами цвета августовской соломки (это тоже говорила мама). В ней оставалось так много подросткового, девичьего...

Когда Сима освоила Интернет, ее жизнь круто изменилась. Она стала искать себе мужа. Ее просто невозможно было оторвать от компьютера. Она жила в нем, в своем виртуально-сексуальном мирке, налаживая прозрачные эротические контакты с невидимыми мужиками, не гнушаясь («хохмы ради» – выражение Симы) даже красивыми и холеными геями. «Нет, вы посмотрите только, сколько мужского народа пропадает! И все как на подбор! Красавцы! И с такими плечами, таким телом... занимаются черт знает чем. Они просто нарасхват. Смотри, какой бычара!»

Валя, не в силах слушать подобные пошлости, уходила из своей комнаты, где стоял компьютер, в гостиную, садилась перед телевизором и смотрела все подряд, не понимая, как это вообще могло случиться, что в их доме поселилось и так свободно и нагло себя ведет это исчадие ада. Потом, правда, отец купил Вале новый компьютер, а ее старый определил Симе – пусть развлекается. Но Сима как-то быстро охладела к своим виртуальным связям, ей захотелось полноценной, настоящей личной жизни, и она пустилась во все тяжкие (выражение папы). Свидания за свиданиями... Больницы, клиники, деньги на аборт, транквилизаторы (ее почему-то все бросали). «Главное, – говорил папа маме, – чтобы она не села на иглу». Этого

в семье боялись больше всего. Но бог миловал. Сима, неисправимая жизнелюбка, предпочитала наркотикам хорошую дорогую водку с закуской, вот только сигареты курила крепкие, дешевые и дым выпускала через ноздри.

И вдруг она исчезла надолго. Вернее, исчезла так же, как и раньше с ней бывало, да только она прихватила дорогую шубку мамы, сережки с брильянтами, пятьсот евро (которые мама приготовила на покупку постельного белья) и дорожную мамину сумку, стоившую, как чугунный мост.

– Она куда-то поехала. Думаю, отдыхать, – предположила мама.

– Значит, в Турцию. Куда же еще?

– Ты плохо знаешь мою сестру. Наверняка она купила горящий тур в какой-нибудь Таиланд или Марокко. И поехала явно не одна. Пятьсот евро – не такие уж и большие деньги для такой поездки.

– А может, в Крым? – предположил отец.

Потом оказалось, что пропала папка, в которой Валя хранила свои документы и небольшие сбережения, что-то около трехсот долларов.

– Она свистнула мою папку... – Валя была близка к истерике. – Значит, так, выбирайте, родители: или она – или я! Я понимаю, мама, она – твоя сестра, но ты не должна пасти ее и содержать всю свою жизнь. Она отравила все наше существование!

Валя кричала что-то еще, размахивала руками, а потом с ней сделалась истерика. Она говорила, что квартира стала грязная, потому что всех вещей касались руки Симы. И что Сима тоже грязная и липкая... В тот же день, успокаивая дочь и глядя ее по голове, папа сказал: он не потерпит, чтобы с ребенком творилось такое, «девочка права», и Сима должна уйти. Успокоил дочь и сказал, что получить новый паспорт – пара пустяков, это не трагедия. Он заменил замки, и Сима, вернувшаяся из жарких африканских стран, не могла бы войти в квартиру. Валя, всякий раз представляя ее себе стоящей перед дверью со связкой ключей в руке и не понимающей, почему ее не пускают, испытывала приятное чувство мести.

Но прошла неделя, а Сима так и не вернулась.

– Она вышла замуж, – предположила мама. Она сидела на диване и вязала Вале свитер. Клубок розовой пряжи упал и покатился по ковру. Валя отлично помнила эту картинку.

– Она вышла замуж за африканца и решила остаться там жить, – усмехнулся отец.

Наступил Новый год, и без Симы он прошел восхитительно: это был настоящий праздник в лесу, на даче, с гостями (которых прежде приглашать было запрещено, дабы не опозориться перед ними за Симу, способную на любые выходки), жареным гусем, тортом и фейерверком на улице, среди огромных заснеженных елей и звезд... И Валя знала, что и мама, и отец в душе радуются тому, что с ними нет Симы. Если бы она была, то напилась бы, плясала бы голышом, наверное, на столе, приставала бы к гостям, сломала бы трехэтажный, в марципановых шариках, торт, свалила бы елку с горящими огнями во дворе...

Сразу после Нового года они переехали на дачу, за город – в московской квартире начался ремонт. Настоящий, с переносом стен, с переделкой и, как говорил папа, переосмыслением жилого пространства. Соединили огромный коридор с гостиной, Симину комнату – с ванной комнатой, устроив там небольшой, выложенный бирюзово-оранжевой мозаикой треугольный бассейн. Поделили кабинет отца на две маленькие комнаты: получились крохотный уютный кабинетик и комната отдыха (так сказала мама) с плюшевым белым полом и розовыми стенами. Квартира преображалась прямо на глазах. Все делалось быстро, красиво, мастера не успевали привозить новый кафель и паркет и освобождать квартиру от мусора. Мама, чтобы успокоить соседей, уставших от шума, дала им денег. Купили новую спальню, ковры, Валя смогла сама выбрать мебель в свою комнату. Словом, это была настоящая райская жизнь – они словно готовились жить без Симы. Когда все было готово и папа подсчитал стоимость ремонта и мебели с коврами и люстрами, получилось, что истрачены практически все их сбережения.

– Ничего, будем есть одни макароны, – с воодушевлением сказала мама, лежа на широкой итальянской кровати и рассматривая лепной потолок.

Валя была с ней согласна. Лучше есть одни макароны, но в такой шикарной квартире, чем отбивные в том свинарнике, в котором (как ей стало казаться) они жили раньше.

– Ну хорошо, я пошел зарабатывать деньги на макароны. – Папа помахал им рукой и ушел. А когда вернулся вечером, в его руках был голубой конверт, при виде которого все почему-то напряглись. Письмо из германского посольства, в котором сообщалось, что гражданка России Серафима Андреевна Орманова скончалась в Германии, городе Штраубинге, ее труп был извлечен из реки Дунай. Следствием установлено, что гражданка Орманова, находясь в сильной степени алкогольного опьянения, свалилась с моста города Штраубинга и утонула. Власти города Штраубинга просят близких и родственников гражданки Ормановой приехать и забрать ее тело.

В тот вечер родители заперлись в кухне и долго обсуждали, как быть. Валя, сидевшая в гостиной и не зная, плакать ли ей или радоваться (слез не было, да и смешного в смерти тетки было маловато), слышала постоянно одну и ту же фразу: «Две тысячи евро», из чего поняла, что ровно столько, если не больше, понадобится на оформление и транспортировку тела гражданки Ормановой из Германии в Москву.

– Пойми, она и так обобрала тебя, увела шубу, драгоценности, деньги... К тому же ее здесь предстоит похоронить, а это тоже немалые затраты. Я и так в долгах, ты хотя бы знаешь, во сколько нам обошелся один бассейн? Я понимаю, Маша, все это очень тяжело, но что изменится, если ее похоронят в этом... Штраубинге? Все будет строго и чинно. Но это мое мнение. Если ты с ним не согласна, выскажи свое, и мы сделаем так, как хочешь ты. Ты знаешь, я всегда поступаю так, только чтобы тебе было спокойно. К тому же... Маша, ты беременна... тебе нужны все эти сложности? Ты Валентину с таким трудом выносила... не дай бог, если из-за твоей сестрицы, пусть даже и мертвой, мы лишимся нашего ребенка!

Валя почувствовала, как волосы на ее голове зашевелились. Мама ждет ребенка... Ну точно – полное обновление жизни... Так вот почему они разделили папин большой кабинет на две комнаты – одна предназначалась малышу.

Валя без стука вошла в кухню, тоже села за стол.

– Вы даже не сказали, что мама ждет маленького... – сказала она с обидой в голосе.

– Да мы бы потом тебе сказали, – разволновалась мама, понимая, что их разговор был услышан.

– Мама, ты только не волнуйся, но я так скажу: папа прав, – сказала Валентина. – Пусть она будет похоронена там, в Германии. Мы даже больше будем ее любить, если она останется там. Когда-нибудь съездим в этот город, положим цветы на ее могилку...

Она говорила все это совершенно спокойно, бесстрастно, ничто в ее душе не екнуло, хотя речь шла о смерти родной тетки. И ей показалось, что в тот момент отец посмотрел на нее с благодарностью – она поддержала его, освободив от многих хлопот и обязательств. А еще – от риска потерять второго ребенка.

– Мама, мы только что закончили ремонт, у нас долги, а маленький знаешь сколько потребует денег?!

И мама все поняла. Согласилась. Поплакала, правда, даже устроила поминки: скромный ужин с кутьей, водкой и жареной рыбой, которую так любила Сима. И как-то так случилось, что про саму Симу они почти не вспоминали.

– Знаешь, мне иногда кажется, что она живет где-то в Африке, что вышла замуж, родила ребенка... – услышала Валентина как-то раз случайно разговор матери с отцом, доносившийся из спальни, где мама кормила Геру грудью. – И мне так легче жить.

– Вот и живи себе спокойно.

– Я уверена, что, если бы она вернулась, я бы скинула девочку через неделю... не выдержала бы.

...В своей комнате она накинула на себя халат, замотала голову сухим полотенцем, мокрое повесила на спинку стула и села за компьютер. Два письма: от Ольги Постниковой и еще от кого-то. Ольга прислала ссылку, где можно скачать бесплатно книги, звала к себе в гости. Второе письмо заставило Валентину побледнеть...

«Валентина, привет! Извини, что так долго не давала о себе знать. У меня в жизни произошли большие перемены. Я сейчас живу в Германии и приглашаю тебя отпраздновать вместе Рождество. Ты не представляешь, как здесь сейчас красиво! Я понимаю, что у тебя будут сложности с визой, но я все устрою. Главное – откликнись, дай знать, что получила мое письмо. Родителям лучше ни о чем не рассказывай, я тебе потом объясню почему... Главное, верь мне. Я жду ответа.

Целую,

Сима».

3

«Машка, привет! Я знаю, что ты никогда не получишь этого письма, потому что я его никогда не отправлю. Просто не могу. Но так хочется поделиться с близким человеком всем, что произошло со мной в последние дни, что просто сил нет... Да, это правда, ты всегда была мне очень близким человеком, несмотря на то, что мы жили в последнее время как кошка с собакой. Но теперь, когда мы далеко друг от друга, я скажу тебе – в этом никто не виноват. Ну совершенно никто. Просто жизнь сложилась таким образом, что у тебя есть семья, муж, дочь, а у меня – никого. И хотя я чувствую, знаю, что ты обвиняешь именно меня во всем, что произошло с моим ребенком, знай: ты ошиблась... Как, впрочем, всегда ошибалась в отношении меня. Ты вбила себе в голову, что мы с тобой разные, настолько разные, что невозможно найти ничего общего... Но это не так. Поверь мне. И жаль, что я никогда не смогу тебе это доказать. Да, иногда я давала моему малышу димедрол с медом. Но это были микроскопические дозы, не опасные для жизни. Я понимаю: ты осуждаешь меня за то, что у меня были мужчины после смерти Леши. И даже не за то, что они были, а за то, что они отнимали у меня, по твоему мнению, время, которое я должна была посвятить моему малышу. Но у тебя всегда под боком был Сережа, поэтому тебе меня не понять... Это со стороны кажется – вот, мол, счастливая мамаша, с грудным младенцем на руках, ну просто мадонна! А мне и выплакаться-то было некому. А мужчина рядом – это как спасение, как живая душа рядом. Мужчина обнимет, приласкает. Да что я тебе рассказываю, когда ты всю свою жизнь провела в ласке, ведь твой муж такой нежный, уж я-то знаю... Нет-нет, ты не подумай ничего такого, мне так и не удалось его соблазнить. Конечно, если бы я точно знала, что отправлю тебе это письмо, то наверняка, из вредности, наверное, и в силу своего «несносного» характера, обязательно написала бы, что у меня был роман с твоим мужем. Но его не было. Он не соблазнился моей фигурой, не клюнул на мою доступность. Для него всегда существовала только ты. Вероятно, это и есть та самая любовь, ради которой совершаются подвиги, провоцируются войны и гибнет много людей... Но я не Елена Прекрасная, ты знаешь отлично, как меня зовут. У меня яркое, редкое кошачье имя – Сима. Но иногда я бываю ангелом, вот как сейчас, и тогда меня зовут Серафимой, как ангела... Да, письмо получается сумбурным, непонятным, но это неважно. Главное – что я наконец-то обрела свое счастье. Я всегда считала, надеялась, что бог, которому я молилась куда чаще, чем ты, услышит мои молитвы и преподнесет мне такой подарок. Все, о чем я мечтала, стало явью. И теперь у меня есть все, что надо, для спокойной и счастливой жизни. Конечно, моя спокойная жизнь – не твоя спокойная жизнь. Твой рай – это ты и твой муж, вы оба сидите на диванчике в обнимку, воркуете, как голубки, мечтаете о втором, третьем ребенке, а на столе – воскресный пирог с малиной... Для меня спокойствие – это уверенность в том, что я смогу оплатить ресторанный счет, спокойно покурить кальян в обществе приятных мне людей, выпить хорошей водочки, расслабиться, отдохнуть и прийти в свой дом, понимаешь, не в твой, а в свой, где тепло, чисто, тихо и уютно. Так сложилось, что в своей прошлой жизни вместе с вами, в вашей ужасной квартире, где мне было так плохо, что хоть волком вой, я и помыслить не смела о том, что когда-нибудь так резко изменится моя жизнь. Но теперь я счастливее тебя. Уже хотя бы тем, что я точно знаю: за все мои страдания мне воздалось. Сполна. Я так радуюсь, что даже плачу... Мужчина, который в последнее время рядом со мной, совершенно не похож на тех козлов, которые ухлестывали за мной в Москве и которым требовалось только одно. Не хочу даже писать, что именно. Меня уже тошнило от этих мужиков. Юрген – не такой. Он хорошо понимает женщину, знает, что ей сказать, как себя повести, хотя я ничего из того, что он мне говорит, не понимаю. Он говорит на птичьем языке, но мне с ним все равно хорошо. Вчера, к примеру, он водил меня в кафе «Валентино», прямо в центре города. А город-то какой, сестричка, просто рождественская сказка! Дома – как пряничные, как торты, покрытые кремовыми

розочками. Я и не знала, что могу быть такой сентиментальной. Юрген постоянно меня снимает, и мне жаль, что ты, Машка, не увидишь меня, такую красивую и счастливую, правда, в твоей шубке (извини, но у меня-то такой шикарной не было, а отправляться в путешествие в новую жизнь в старой страшной куртке с капюшоном как-то не хотелось), в новых красных замшевых сапожках...

В кафе нас обслуживала красивая такая немочка, с белыми прямыми волосами, длинноногая, в джинсах, и такая любезная... У нее фартук до самого пола. Юрген подвел меня к витрине и спросил, чего я хочу. Я выбрала какое-то пирожное. Волшебное! Мы пили кофе и очень много курили. Юрген, как и я, много курит. Потом шатались по городу, а к вечеру, после обеда в каком-то ресторане (мы ели капусту с сосисками, прямо скажем, демократическая еда, но здесь все любят квашеную жареную капусту), отправились курить наргиле – это такой кальян. Арабская курильня, всюду ковры, роскошные мужики с блуждающими туманными взглядами, и под потолком витают такие ароматы... Вот только чай мне не понравился – приторный, горячий, в нем много корицы и черного перца.

Маша, давно хотела тебе сказать. Вернее, спросить. С каких это пор ты у нас стала такой добропорядочной мешаночкой с правильными взглядами и железными принципами? Мы же с тобой родные сестры, у нас – одна кровь, и ты не можешь по сути своей быть моей противоположностью. Разве что нарочно. И тоже – принципиально. Помнишь, когда тебе было... Да ладно, какая теперь разница, сколько тебе было лет, когда ты отправилась со своим одноклассником в путешествие на поезде? Сорвалась и поехала. Тебя разыскивали, что называется, с собаками... Нашли в Балашове. В какой-то грязной гостинице, в клопах... Ты спала, и у тебя на лбу сидел клоп... Так нашей маме сказал милиционер. А рядом спал твой перепивший дружок. Забыла? А я тебе напому... Потом еще была история. Отправились с подружками в ресторан, и ты заявила домой только через три дня. Я тебя тогда чуть на части не разорвала – такая была злая, думала, тебя убил маньяк. Между прочим, я могла бы рассказать обо всем твоему муженьку, вот бы он удивился! Но ты как-то быстро остепенилась после того, как встретила с ним. Быстренько так ребеночка сделали, купили квартиру, дачу... Все чин-чином. Я все ждала: вот сейчас моя сестричка сорвется, уже пора, ты же периодически срываешься и падаешь в пропасть... Ан нет! Ошиблась я. Сергей крепко держит тебя в своих руках. Думаешь, я завидую? Нет. Просто удивляюсь, до чего же люди бывают близоруки. Это я о Сергее...

Ладно. Устала я вспоминать прежние обиды. Все равно все позади, и ты вряд ли увидишь меня, а если и увидишь, то не скоро. Должно пройти какое-то время, чтобы я поняла наконец, что произошло. Все как в тумане... Если бы ты сейчас увидела меня, то не поняла бы, отчего я плачу. Да оттого, моя дорогая сестричка, что мне обидно, что умер мой мальчик, что моего Лешку посадили по ошибке и он там сгнил... Хотя, конечно, ему помогли умереть. Я даже знаю, за что его убили. Вот черт, вино заканчивается. Знаешь, винишко – ничего особенного, а так дорого стоит! Мне Юрген купил. Сейчас его рядом нет, иначе я не писала бы тебе это письмо. Ладно. До встречи. Вернее, до следующего письма, если я его, конечно, напишу.

Поцелуй за меня мою драгоценную племянницу Валентинку. Она у тебя – прелесть... Вся в тетку!

Твоя Сима».

4

– Ну, что случилось? Испугала меня прямо... – Ольга стояла на пороге, вся розовая, свежая, на длинном меховом ворсе капюшона сахарился снег. На лице – недоверчивая улыбка: мол, зачем позвала?

– Пойдем, – Валентина помогла ей раздеться и потащила к себе в комнату. По пути им встретилась няня Вика, державшая на руках маленькую Геру. Девочка засыпала, держа во рту соску от бутылки с молоком. Вика прижала свободной рукой палец к губам – потише, пожалуйста. Валентина кивнула головой, и они с Ольгой, дурачась, на цыпочках, прошли мимо.

– Гера растет прямо на глазах, – шепотом сообщила свои наблюдения Ольга. Она тряхнула головой, белые волосы рассыпались по плечам. Голубой свитер, голубые джинсы.

– А ты как всегда – просто картинка, – искренне восхитилась подружкой Валентина. – Ладно. Ты есть хочешь?

– Нет. Меня мама заставила две котлеты съесть.

– А чай, кофе?

– Да ладно тебе со своим кофе! Выкладывай, зачем позвала. Заинтриговала!

Ольга улыбнулась, и Валентина залюбовалась ее белыми крепкими зубами. Хотя знала, что и у нее не хуже. Но ведь это же Ольга – подружка. И такая хорошенькая! Удивительно только, почему, когда они бывают вместе, да хоть на катке, больше внимания парни уделяют Валентине. Разве они не любят натуральных блондинок?

Она думала об этом, словно не решаясь обратить свое внимание на то, ради чего она переполошила подружку. Позвонила и сказала, чтобы та срочно приехала – дело жизни и смерти!

– Оля, сядь, успокойся.

– Да я вроде спокойна... – Ольга уже откровенно смеялась, словно до нее стало доходить, что ее пригласили просто так и ничего особенного не случилось. Да и что могло случиться в спокойном течении жизни добропорядочной семьи? У Геры разболелся животик? Или Валентина купила себе джинсы, а они расползлись по швам?

– Ты помнишь мою тетку... Симу?

– Да кто ж ее забудет-то? – Лицо Ольги сразу стало серьезным. – А что? Снова письмо? Требуют, чтобы ее привезли сюда, в Москву?

Она была посвящена в семейную тайну – так Валентине было проще пережить эту семейную драму.

– Нет. Даже не знаю, как тебе и сказать... Ладно, иди сюда, смотри на экран.

И Валентина показала ей первое письмо от Симы.

– Ничего себе! – Ольга смотрела на подружку широко раскрытыми глазами. – Это как же понимать?! Ты родителям говорила?

– Там же ясно написано – родителям ничего не говорить.

– А... понятно. Думаешь, это розыгрыш? И не хочешь лишний раз трепать маме нервы?

– Я ничего не знаю. Обратный адрес – непонятный. Я ничего в этом не смыслю. Она приглашает меня в Германию. Понимаешь, у тебя долго был отключен телефон.

– У меня телефон упал в ванну, теперь чинят.

– Так вот. Посоветоваться мне было не с кем. Тебя я не нашла и решила проверить – действительно ли кто-то хочет, чтобы я поехала в Германию? Хочешь посмотреть нашу переписку?

– Вашу переписку?! А что, были еще письма?

– Я написала ей, что не могу вот так просто взять и сорваться, она должна понимать, какие у меня строгие родители, и все такое. Я предложила такой вариант: я говорю родителям, что еду, предположим, в Турцию. Скажу, что устала заниматься, хочу отдохнуть и так далее.

Придумаю какой-нибудь горящий недорогой тур на неделю. Словом, я ей намекнула: у меня небольшие денежные проблемы, и я не могу вот так запросто отправиться неизвестно куда без денег и без знания языка.

– И что? – Ольга смотрела на Валентину широко раскрытыми глазами. Вот теперь она была по-настоящему заинтригована. – Что она тебе ответила?

– Что хочет выпить мою кровь...

Ольга аж отшатнулась от нее. Как-то вся сникла и посмотрела на подругу нехорошим взглядом.

– Ты дура, что ли, Валька?

– Да пошутила я. Чтобы разрядить обстановку. А она мне ответила вот что. Читай.

На экране появилось письмо.

«Здравствуй, Валентина! О деньгах не переживай. Раз ты в принципе согласна приехать, надо форсировать события. Поскольку у меня еще пока нет германского подданства и я не могу прислать тебе приглашение, чтобы ты получила шенгенскую визу, для меня это сделает одна моя знакомая. Ее зовут Люлита Крафт. И вообще, она – мое доверенное лицо, на нее во всем можно положиться. Ты буквально на днях получишь конверт с официальным приглашением от Люлиты, пойдешь в посольство Германии, и тебе в течение дня выдадут визу. Надеюсь, с паспортом у тебя все в порядке? Теперь – что касается денег. Ты пишешь, что хочешь поехать с подругой, Ольгой, которая знает язык. Что ж, это отлично. Думаю, что вам двоим две тысячи евро на дорогу хватит. А когда приедешь, я дам тебе еще. Это теперь для меня не проблема. Только моя основная просьба остается в силе: пожалуйста, не посвящай родителей в свои планы. Они ни за что не отпустят тебя ко мне...»

– Ты написала, что собираешься приехать со мной? Ты что, с ума сошла?! – зашептала Ольга, оглядываясь на дверь, словно боясь, что ее услышат. – А ты меня спросила?

– Да говорю же тебе, я переписывалась с ней, чтобы проверить, действительно ли кто-то заинтересован в моем приезде. А для этого надо было придумать какие-то препятствия, условия. Как видишь, моя тетка вроде бы действительно жива и готова принять нас обеих.

– Может, она еще и денег прислала? – усмехнулась Оля, глядя на Валентину с подозрением.

– В том-то и дело, что прислала. Написала об этом предварительно, отправила через «Вестерн Юнион», сообщила код. Смотри...

Валентина достала папку с документами, раскрыла ее, и там, среди бумаг, Ольга увидела красивые купюры.

– Оля, решайся! Ну, чем мы рискуем? Деньги у нас есть. Приглашение будет. Да, кстати, потом она прислала письмо, в котором попросила указать наши паспортные данные. Понимаешь, все вроде бы серьезно.

– Да, Валентина, с тобой не соскучишься! Но звучит уж больно заманчиво. Деньги-то мне родичи дадут, это не проблема. Но что я им скажу?

– Про Турцию! И своим я скажу, что собираюсь в Анталию. Оля, прошу тебя... Хотя сразу скажу... Сомневаюсь я, что это Сима. Но если это даже не она, то, может, некто, кто знает, что с ней случилось?

– Не Сима? Но кто же тогда?

– Или, может, Сима... не знаю. Она такая авантюристка... Может, она просто хотела, чтобы все думали, что ее нет в живых, а на самом деле развила бурную деятельность...

– ...ограбила банк, к примеру, так?

– Я не удивлюсь. Вот только непонятно, зачем ей я? Но, согласись, человек, приславший деньги, натуральные, подлинные деньги, действительно ужасно хочет, чтобы я приехала. Значит, это важно. И я должна ехать. Если ты боишься, мне придется искать кого-то другого. Но ты – моя самая близкая подруга. К тому же ты видела Симу.

– И главное – я знаю немецкий, так? Если бы не знала – не позвала бы меня?

– Оля...

– Да я все понимаю, – Оля миролюбиво положила ей на ладонь свою теплую руку. – Заманчиво, заманчиво... Ладно. Паспорт у меня с собой. Да и в телефоне все мои данные есть, сейчас я тебе напишу... Рискнем, отправим и будем ждать приглашение. А в посольстве у мамы знакомые, думаю, с визой проблем не будет. На сколько – на неделю?

– Попросим максимум – на месяц-полтора. Всегда ведь сможем вернуться.

– Значит, Анталия? – Ольга подмигнула ей.

– Или Мармарис. Главное, чтобы там тепло было.

– А в Германии в этом году зимой снега почти нет... и тоже тепло, – мечтательно проговорила Ольга. – У мамы знакомый только что вернулся оттуда, говорит – как жаль, что не остался в Берлине на Рождество.

5

По субботам семья всегда собиралась у Ульрики. Юрген, Сабина и три дочери – Керстнер, Ирис, Ева. Ульрике было приятно, что ее сноха, Сабина, с самого первого дня их брака с Юргеном называла ее мамой. И вообще, Ульрике всегда нравилась Сабина. Приятная, любезная и очень добрая женщина. И если бы Сабина не была ее снохой, то она бы ей, просто как женщине, никогда не пожелала бы такого мужа, как Юрген. Он всегда был грубым со всеми. Сначала это испытывала на себе Ульрика, его мать, теперь Сабине приходится терпеть. А это редкий дар – не обижаться на тирана-мужа и любить его таким, каков он есть. Юрген – высокий жилистый брюнет с черными бровями, крупным носом и тонкими губами. Когда он злится, губы поджимает, и они становятся почти невидимыми. Сабина – розовощекая, полненькая, невысокая женщина с милым и открытым лицом, голубыми глазами. У нее почти нет бровей. Маленькие, словно вишенка, губы. И маленький блестящий, словно смазанный маслом, носик. Она ужасно милая... И всегда хвалит все, что приготовит Ульрика. Старшая дочь, Керстнер, – в отца. Черноволосая хмурая девочка. Ей шестнадцать, она курит уже при родителях. Даже отец молчит, потому что Керстнер – его любимица. Две другие девочки – восьми и девяти лет – как две капли воды похожи на свою мать. Белокурые, голубоглазые, полненькие.

Ульрика поставила на длинный стол в гостиной глубокую фаянсовую миску с картофельным салатом, разложила по тарелкам.

– Мама, у вас всегда такой вкусный салат! У меня никогда такой не получается, – Сабина ест с аппетитом, слышно, как похрустывает еда на ее зубах.

Юрген как-то сломал ей челюсть... Он время от времени поколачивает жену. Просто так. Когда возвращается ночью из какого-нибудь бара и видит недовольное или заспанное лицо жены. Сабина редко приходит к свекрови с синяками. Если же намечается какое-нибудь торжество, на котором надо быть непременно, она тщательно замазывает крем-пудрой припухшие лиловые кровоподтеки. Ульрика всякий раз подавляет в себе желание прикоснуться к этим разбитым бровям или скулам Сабины губами – ей стыдно за то, что она так дурно воспитала сына.

– Картофель следует варить в тот день, когда ты будешь делать салат, – рассеянно отвечает Ульрика. – Иначе вкус испортится. И чтобы картофель не разварился, добавь в воду немного молока.

Этому рецепту она сама научилась у Люлиты.

– Вечно эти бабские разговоры. Вы бы лучше о магазине поговорили. Выручка падает... – ворчит Юрген, наворачивая салат и подкладывая себе еще на тарелку.

– Успокойся, Юрген, на носу Рождество, я закупила много сувениров, свечей, подсвечников. Ты бы сам зашел и посмотрел – все полки заставлены.

– То-то я и смотрю, что денег в доме нет, все вбухали в товар...

– Ты всегда недоволен, – качает головой Ульрика. – Не ешь так много салата, у меня еще курица.

– А ты не можешь не оговорить, уже в родном доме не могу спокойно поесть...

Ульрика приносит из кухни блюдо с горячей румяной курицей. От нее пахнет чесноком, травами. Сабина бросается помогать свекрови разделить курицу специальными ножницами на куски. Обжигает пальцы, смеется, а Ульрика смотрит на нее сквозь слезы и думает о том, что это невероятно – с таким мужем, и сохранить еще в себе крохи смеха.

– Я вот что подумал, – Юрген воткнул вилку в жирный кусок дымящейся курицы и принялся дуть. – Сабина будет работать в магазине, девчонки – помогать ей после школы, а ты, чтобы тебе не скучно было, отправляйся в дом престарелых. Там работает твоя лучшая подруга, Люлита, вот и будете там сплетничать на пару...

Сабина уронила вилку и уставилась на мужа испуганными глазами.

– Юрген, побойся бога, что ты такое говоришь?! Какой дом престарелых? Твоя мама – молодая женщина! Да она себе еще, может, мужа найдет!

– Дура! – Юрген привстал и, холодно блестя глазами, отвесил жене пощечину. – Не вмешивайся в мой разговор. Это моя мать, и мне виднее, что для нее лучше, а что хуже. Я отлично знаю, как там старикам хорошо. Просто настоящий рай! За ними там такой уход...

Сабина, закрыв лицо руками, заплакала. Керстнер, отодвинув от себя тарелку, достала пачку сигарет «Голуаз», закурила, тупо уставившись перед собой. Две другие девочки медленно доели свой салат.

– Нет, Юрген, я никуда не уйду, – побледнев, сказала Ульрика.

Керстнер, отвернувшись, стряхнула пепел и покачала головой, демонстрируя свое равнодушие к происходящему.

– И магазин пока еще мой! Тебе не достаточно того, что я даю тебе деньги, так ты еще решил выгнать меня? Я еще полна сил... – дрожащим от возмущения и волнения голосом ответила Юргену мать. – Жаль, что отец так мало пожил и не успел научить тебя жизни – по-мужски. Я слишком баловала тебя. Жила только для тебя...

– Знаем мы эти сказки. У тебя, кроме нас, кто-нибудь еще есть?

– Нет... – растерянно ответила Ульрика. – Что ты имеешь в виду?

– Да все ты отлично знаешь. У тебя – я, Сабина и трое внучек. Ты подумала о том, где они будут жить, когда подрастут, когда им придет пора выходить замуж?

– У тебя большая квартира, Юрген, у нас еще есть этот дом, где я живу...

– А больше у тебя ничего нет? Думаешь, я ничего не знаю? Этот дом – дворец... Кто-то все эти годы присылал тебе деньги, и ты строила этот дом. Для кого?

– Это не мой дом. У него есть хозяин. И я вообще не понимаю, почему ты о нем вспомнил. Я никакого отношения к тому дому не имею. Просто присматриваю...

– Кто, кто хозяин? Можешь сказать?

– Одна семья... Они эмигранты из Турции, ты их все равно не знаешь. Сейчас там живет их родственница из Стамбула. Поверь, я не имею к этому дому никакого отношения.

– Ладно, я еще докопаюсь. Хочешь открыть пансион, вроде нашего соседа, и пускать туда постояльцев? Вот почему ты такая уверенная. Скопила денег на старость, купила дом или построила...

Сабина кухонным клетчатым полотенцем вытерла мокрое от слез лицо. Теперь она вряд ли посмеет за столом сказать еще слово против мужа.

– Сабина, девочки, курица... – Ульрика, стараясь держать себя в руках, положила каждому на тарелку по куску курицы. – И вообще, мы – одна семья и не должны ссориться. Юрген, я понимаю, у тебя большая семья, трое детей, и ты не можешь не думать об их будущем, но и я тоже делаю все, что могу. За последние годы наш магазин расширился, мне поставляют товар из Индии, Африки. Ты же видел, какой у нас большой отдел колониальных товаров. Вчера привезли большую партию цветов из Франции, мы с Люлитой не успели их даже распаковать.

– Эта старая переряда еще жива?

– Юрген! Прекрати! И что с тобой вообще происходит? – Ульрика изо всех сил пыталась держать под контролем поведение сына, хотя отлично понимала, что благодаря своей мягкотелости уже давно утратила авторитет и что такому человеку, как ее сын, требуется более жесткая и даже жестокая рука. Только его отец, которого уже давно не было в живых, мог бы повлиять на Юргена. Он был и жестким, и жестоким, и решительным, и спокойным – таким, каким его знала Ульрика – и любила. Хотя это для других он был таким суровым и даже злым, с Ульрикой же, наедине, он всегда был нежен и ласков. Быть может, вдруг подумалось Ульрике, Юрген и с Сабиной, когда они остаются вдвоем, ведет себя иначе и потому она прощает ему так много?

– Послушай, ты бы меньше болтала, принесла бы лучше холодного пива, не видишь, все бутылки пустые! – пробормотал Юрген, стараясь не смотреть на мать.

– Я принесу, только попрошу тебя, Юрген, больше в моем присутствии не распускать руки. Что подумают о мужчинах твои дочери? Захотят ли они выходить замуж?

– Хватит! – гаркнул Юрген. – Мои дочери сами разберутся, кто им нужен – сопливые прыщавые недоноски с напмаженными волосами или настоящие мужчины с сильными кулаками и твердым характером. Так что ты скажешь о доме престарелых?

Ульрика молча собрала куриные кости, бросила их в миску и удалилась в кухню. Там, вытирая слезы, она принялась посыпать сахарной пудрой большой пирог с грушей. Уж теперь она точно знала, что никогда не изменит своего решения и все, что она нажила собственным трудом, оставит Сабине. Даже не внучкам, а именно невестке.

Послышался какой-то звук, Ульрика резко повернулась, поймав себя на том, что стала бояться собственного сына, словно он мог подойти к ней сзади и ударить. Но это была Сабина. Ульрика обняла ее и поцеловала в теплые щеки:

– Все будет хорошо, Сабина, вот увидишь.

6

Последние дни перед отъездом Валя нервничала – никогда еще она не лгала так много и так отчаянно. Но ей все же удалось убедить родителей, что они с Ольгой летят в Анталию. Пользуясь тем, что по вечерам дома царит приятная суета, связанная с маленькой Герой, – воркование родителей над младенцем, замаскированный под непринужденную беседу допрос молоденькой няни: как аппетит у девочки, не болит ли у нее живот, хорошо ли спала малышка, – долгий, переходящий в вечернее чаепитие ужин и рассеянное общение со старшей дочерью, – Валя постаралась представить свою поездку в Анталию как нечто обычное, как поход в кино или ночевку у близкой подруги: мол, отпустите, Христа ради, что вам стоит? Главное, считала она, не перегнуть палку, когда она заговорит о деньгах. Ведь ей предстояло путешествие в полную неизвестность, а потому надо было иметь при себе побольше денег на непредвиденные расходы, в частности, на то, чтобы в опасный момент была возможность вернуться домой. Попросит мало – будет постоянно думать о деньгах, трястись от страха, да и перед Ольгой будет неудобно. Попросит много – родители опомнятся, придут в себя после запойного мурлыканья с Герой и всерьез заинтересуются, зачем это их Валечке понадобилась тысяча евро. Она и не попросила бы так много, если бы не дорогие билеты до Мюнхена.

Мама с озабоченным видом принесла и свалила на кровать Вале свои новые купальники, махровые полотенца, шлепанцы, роскошные солнцезащитные очки (предмет летней Валиной зависти!), пляжную сумку и разные другие мелочи, включая крем от загара.

– Вот, вспомнишь, что еще нужно, – скажи. Но я точно знаю, что тебе понадобится удобная обувь для экскурсий, легкие штанишки, в джинсах запаришься.

– Мама, так декабрь же!

– В Анталии тепло, – вздохнула мама. – Там всегда тепло. Там яблоки... – вспомнила она милую детскую шутку. – Как же я тебе завидую, Валентина! Отдохнешь от нас от всех, расслабишься, отъешься. Знаешь, я даже не знаю – чем ты вообще питаешься?

– Да все нормально, мам, – Валя поцеловала ее. – И питаюсь я нормально, и вообще все хорошо. Вот только страшновато как-то: чужая страна... Вдруг документы украдут или деньги...

– Деньги вообще-то лучше держать в разных местах. Хотя что я говорю?! Там же на каждом шагу банкоматы. Не переживай. Главное, держи при себе карточку и нигде не пиши код. Если карточку украдут, сразу же заблокируй ее, чтобы ею не успели воспользоваться. А когда будешь набирать код, следи, чтобы за спиной никого не было. Валя, что я тебе такое говорю, словно ты маленькая. Ты сколько собираешься взять?

– Сколько дадите, – напряглась Валя.

– Ты говорила, что путевка стоит восемьсот долларов, плюс пятьсот на расходы. Нормально? Хватит тебе, малышка? – Мама улыбнулась. – Хотя представляю, как тебе захочется купить что-нибудь такое... эдакое. Знаешь, я до сих пор не могу себе простить, что не купила расписные голубые тарелки, но они стоят от сорока евро и выше. Подумала, что обойдусь, а потом пожалела. Представила, как роскошно в них выглядели бы фрукты, орехи! Может, ты купишь? Тогда я добавлю тебе еще пятьсот.

Валя от волнения раскраснелась, обняла мать. Она и не ожидала такой щедрости. Восемьсот плюс пятьсот и еще пятьсот (на тарелки-сувениры?!), еще и половина присланных Симой тысяча евро! Итого, две тысячи с лишним евро. Но из них бо́льшая часть уйдет на билеты.

– В случае чего позвони, пришьем еще. Так что не переживай. Главное, что ты едешь с Олей, вам вдвоем будет весело. Только, прошу тебя, Валентина, веди себя осторожно, постарайся не давать повода ухаживать за собой обслуге. Они такие решительные, уж я-то знаю. Твой отец чуть не убил одного мальчика-официанта, который начал приударять за мной

в ресторане: вино сам наливал, цветы на скатерти раскладывал... Знаешь, у Геры какое-то высыпание... не то аллергия, не то инфекция. Ты не знаешь?

Валя от неожиданного поворота разговора не нашлась, что и сказать.

– Ладно, я пошла... Ты ужинала?

– Мам, мы же только что встали из-за стола, забыла?

– Разве? Да... Забыла. Закружилась. У меня и на работе дел по горло, и за Геру переживаю, как она. Знаешь, отец записи просматривал.

В доме были установлены скрытые камеры, чтобы следить за поведением няни. Мама, напуганная разговорами знакомых о том, что вытворяют некоторые из них с чужими детьми, готовилась к появлению в доме няни самым тщательным образом. Прежние просмотры свидетельствовали о том, что няня Вика обращается с новорожденной Герой очень бережно, настолько нежно, что мама даже успела приревновать ее к маленькой дочери. Что она скажет сейчас?

– Так вот. Я очень довольна Викой. И еще я поняла, что она не знает, что за ней следят. Она ведет себя так естественно, непринужденно. Знаешь, на одной пленке она изображает из себя беременную, ходит по квартире с привязанной под платьем подушкой. Она же совсем девчонка, мечтает, наверное, выйти замуж, родить ребенка. А я так боялась, что она узнает об этих камерах! Ладно, Валюша, я пойду, а то отец там один. Да, деньги я тебе сейчас принесу. А ты завтра же отправляйся в банк, положи их на свою карточку и рассчитайся с Олей, это же она заплатила за ваши путевки... Вы когда едете?

Валя сказала.

– Вас проводить?

– Нет, что ты! – воскликнула она громче, чем надо было. Покраснела, испугалась. – Мам, мы сами...

– Ладно, я все понимаю. Девочкам захотелось самостоятельности. Только обещай мне, что будешь звонить.

– Обещаю.

– Валя... – Мама задержалась на пороге. – Ты не думай, что я Геру люблю больше тебя. Это не так. Просто она сейчас такая маленькая...

Мама ушла. Валя достала из ящика письменного стола свои сокровища: два официальных документа на зелено-розовой гербовой бумаге, только выданных почему-то не в Штраубинге, куда их приглашала воскресшая из мертвых Сима, а в Деггендорфе. Им виднее, откуда что присылать. «Verpflichtungserklärung» – язык сломаешь! Вероятно, это слово и означает «приглашение». Главное, что эта волшебная бумага позволила ей получить шенгенскую визу. Даже если допустить самое неприятное и ужасное – что Сима их не встретит, все равно они смогут с помощью Ольгиного немецкого добраться и до Австрии, и до Швейцарии. А там... Если денег не хватит, мама еще пришлет.

Дверь открылась, Валя прикрыла документы журналом. Пришел папа.

– Привет, абитуриентка. Как учеба? Учебники с собой в Турцию возьмешь? В отеле будешь зубрить русский язык по Розенталю?

– Мне Оля будет диктанты диктовать и ошибки проверять. Она очень хорошо русский знает, – улыбнулась Валентина.

– Вот тебе деньги. Веди себя там хорошо. Отзванивайся, как там, что. Мама сказала, чтобы ты взяла таблетки от желудка, просила передать, чтобы вы с Ольгой не обжирались до неприличия. Во всем знай меру, заяц. Поняла?

– Поняла, – Валя взяла деньги и положила на стол, погладила купюры. Она уже поняла, что дали больше, чем обещала мама. Они, родители, так любят ее, стараются, чтобы она не приревновала их к Гере, а она их обманывает самым коварным образом: едет на встречу к умершей тетке Симе! К кому?! К человеку, которого она еще в прошлом году просто ненавидела

и готова была из-за нее уйти из дома! Что будет, когда они поймут, как их обманули и что она вместо солнечной Турции полетит в холодную, зимнюю Баварию?

Все пляжные вещи она затолкала в пакет и спрятала его в самый нижний ящик комода, в чемодан сложила свитера, джинсы, теплые носки и вечернее платье – на случай, если тетка все-таки жива и они будут встречать рождественские праздники в какой-нибудь компании. Ольга тоже сказала, что возьмет свое темно-синее, с открытой спиной, в блестках. Ольга... Как же это удивительно, что она согласилась и пошла на обман, скрыв от своих родителей истинный маршрут. Ольга – настоящая подруга. И это потрясающе, что она знает немецкий!

Всю ночь перед полетом она не спала, все представляла себе Симу, стоявшую почему-то на взлетной полосе и махавшую им с Ольгой рукой... Странная все-таки она, эта Сима, живет в каком-то своем мире.

...После оглушающего, переполненного аэропорта с его неприятными и унижительными заморочками с раздеванием и ощупыванием, прозваниванием и паспортным и фейсконтролем оказаться в тихом и комфортном салоне самолета было просто спасением.

– У меня колени почему-то дрожат, словно мы преступницы, – призналась Валентина Ольге, промокая влажный лоб платком. – Я постоянно искала в толпе родителей, боялась, что они прикатят попрощаться.

– Я тоже... А еще я не понимаю, куда мы с тобой едем.

Валентина с самого начала, как только увидела подругу в аэропорту, поняла, что с ней что-то творится. Она была бледной, серьезной и неразговорчивой.

– В смысле... Оля, что с тобой?

Ольга повернула к ней лицо, и Валентина увидела, что она готова вот-вот расплакаться.

– Вот скажи, куда мы с тобой летим?

– В Мюнхен.

– И что? Кто нас там встретит?

– Сима написала, что нас встретит девушка по имени Меликсер, в руках у нее будет плакат «Туманова».

– Что это за имя такое? Оно явно не немецкое.

– Ну... я не знаю... Зато какое таинственное!

– Валя, твоя тетка умерла в прошлом году! Вам пришла официальная бумага из посольства. А теперь скажи мне, к кому мы едем? К твоей мертвой тетке?

– Она не умерла... – заикаясь, прошептала Валя. – Она не могла умереть, потому что ты не знаешь мою тетку. Это не ее выловили из Дуная. Просто ошиблись. Возможно, она придумала что-то такое, кому-то подложила свои документы, чтобы считаться погибшей. Я понимаю, ты переживаешь, что я втягиваю тебя в аферу. Да, это так, но мы уже в самолете. Я не обманывала тебя, я рассказывала тебе все по ходу событий, и ты сама приняла решение поехать со мной. Скажи, ну чем мы рискуем?

– А если нас никто не встретит?

– Тем лучше! Значит, мы сможем затеряться в Европе. Сядем в поезд и отправимся... в Париж, к примеру. Или в Прагу. Попьем холодненького пивка. Ольга, прошу тебя, мне и так дурно при мысли, что я лечу неизвестно куда. Ты что, хочешь прямо сейчас выйти из самолета и вернуться домой?

– Нет... Уже поздно. Мы скоро взлетим. Смотри, стюард... такой смешной... – она горько усмехнулась, – показывает, на какие кнопки нажимать на спасательном жилете, если мы будем падать. Ладно, забудь. Я понимаю, что мы вместе приняли это решение и я не должна теперь поворачивать назад. Только вот мандраж замучил... Да и перед родителями стыдно.

Когда заработал мотор, Валентина зажала уши руками. Ей казалось, что голова лопнет от этого оглушительного рева. А потом – поехали, быстро-быстро, и вскоре самолет поднялся, легко, как невесомый.

Валя купила у проходящей стюардессы бутылочку коньяку. Оля – апельсиновый сок.
– А я выпью... Не знаю, почему мне вдруг стало так страшно, – сказала Валя.

Неразбериха началась сразу же после того, как объявили, что самолет сначала приземлится в Дюссельдорфе, а потом уже отправится в Мюнхен.

– Валя, почему? Почему в Дюссельдорфе? Что случилось? Наш самолет захватили террористы? Валя, не молчи...

Валя, повернувшись к Оле и обдавая ее вкусным ароматом коньяка и лимона, который она постоянно жевала, пожала плечами и посмотрела на подругу хмельными глазами:

– Понятия не имею.

– А мы вообще-то сели на свой рейс?

– Рейс-то наш, да только там на табло было написано «Дюссельдорф», а не «Мюнхен». Я еще тогда подумала, что это какой-то комбинированный рейс. Это когда часть людей летит в Дюссельдорф, а потом там высаживаются пассажиры до Мюнхена.

– А если мы опоздаем и эта... Меликсер не встретит нас? Будет уже вечер...

– Не дрейфь. Тем более что у нас уже нет выбора. Мы же с тобой в самолете.

Валентина отправилась в туалет. Ее мутило. Хотелось есть и спать. Она вернулась, им принесли обед в пластиковых контейнерах. Ольга отдала ей свою порцию масла. Рядом, через проход, на пустующих сиденьях спала, раскинув руки и ноги, девушка в джинсах и свитере. Валентина подумала, что она бы никогда не смогла вот так растянуться на глазах у почтенной публики.

Далеко внизу (Валентина уперлась лбом в иллюминатор) застыло замеченное густым толстым слоем снега море. Хотя на самом деле это был плотный слой облаков, под которым проплывала пасмурная вечерняя Германия. Самолет начал снижение. Ольга не стала пристегиваться. Валентина продолжала таращиться в иллюминатор. Вот самолет плавно опустился в слой облаков, резко пошел вниз, и вдруг сквозь тонкие, как разорванная белая пряжа, клочья облаков показались коричневые крыши домов, ровные улицы, темно-зеленые поля. Подлетали к Дюссельдорфу.

Из самолета пришлось выйти всем. Шли по пластиковой кишке в здание аэровокзала, Валентина смотрела на спину идущей впереди Ольги и спрашивала себя: вернутся они в самолет или нет, ведь их попросили взять из салона все вещи?

– Здесь что-то не так, – сказала какая-то женщина на русском языке, и Валентине стало еще больше не по себе. – Какого... нас высадили в этом Дюссельдорфе, когда мне надо в Мюнхен? И телефон, бл..., не работает, а обещали роуминг, такие деньжищи слупили...

Сначала паспортный контроль, потом их попросили раздеться, разуться, положить все вещи в контейнеры. Возник скандал. С шумом и криками. Кричала все та же женщина, у которой на таможенном контроле отобрали всю дорогую парфюмерию, купленную ею в самолете у стюардесс.

– Мафия? Продаете духи тоннами, литрами, уговариваете, а потом на таможне их конфисковывают. По новому закону? Какую такую жидкость нельзя перевозить? Это что, взрывчатка? Так почему вы не рассказали нам об этом в самолете, когда разносили эти духи? Вы знаете, сколько я за них отвалила? Отдайте мне мои духи... Отдайте!

Валю взяли за плечо и забрали у нее из рук бутылку с лимонадом.

– Что это? – спросил таможенник на немецком.

– Лимонад, – она недоуменно посмотрела на Ольгу.

– Отдай им лимонад, они пить хотят... Нельзя провозить какое-то количество жидкости в салоне, понимаешь? У меня только что ножницы отобрали, бросили в урну. Терроризм! – Она пожала плечами. – Эй, где контейнер с моими сапогами?

– Что это? – Таможенник выудил из сумки Валентины флакон с духами.

– Духи. И ты хрен их заберешь, – сказала Валентина в надежде, что ее не поймут.

– Ладно, оставьте их себе, – вдруг услышала она чистый русский язык, и за ее спиной оказался совершенно другой таможенник. Его глаза смотрели бесстрастно, холодно, но незло.

– Противно все это, – вспыхнула Валя. – Ужасно... И в Мюнхене тоже так будет?

Но он ничего не ответил.

Пока все одевались-обувались – потеряли из виду знакомые лица, с трудом отыскивали свой накопитель, вернулись в самолет – злые, потные, с шубами под мышками.

– Здравствуй, Германия! – Валентина бухнулась в кресло. За стеклом иллюминатора было уже темно. Подозрительный и неприветливый Дюссельдорф мерцал внизу далекими нереальными огнями.

7

Меликсер вошла в дом с тяжелой сумкой в одной руке и небольшой корзиной в другой. И сразу же, следуя инструкции, заперла за собой дверь. Вот теперь она снова была в доме совершенно одна, и все два этажа этого красивого просторного дома принадлежали ей. Но не как хозяйке, а скорее как смотрительнице музея.

Уборку она начала со спален, подняла на второй этаж пылесос и принялась чистить ковры. Это были дорогие турецкие ковры с густым и богатым орнаментом – и шерстяные, и шелковые. Они были новые, но Меликсер все равно слегка проводила по ним плоской лапкой пылесоса, втягивая невидимую пыль. Ей нравилось убираться здесь, где всегда было и без того очень чисто и, что самое главное, совершенно спокойно и тихо. Не то что в доме престарелых, где было ее постоянное место работы. Вот там она всегда чувствовала напряжение и ей казалось, что женщины, за которыми она ухаживала, раздражались уже оттого, что видели перед собой олицетворение самой молодости. Ведь и они тоже были когда-то молодыми и красивыми, ни от кого не зависели, много работали и вот на старости лет оказались в этом странном месте. Да, безусловно, и Люлита, которая пристроила ее сюда (где проработала много лет), считала, что за старушками хорошо ухаживают: их окружает стерильная чистота, за их здоровьем следят опытные врачи и медсестры, они получают хорошее питание, но все равно они жили среди таких же, как и они сами. И кто-то, видимо, хорошо постарался, чтобы внушить этим несчастным женщинам, что дом престарелых – идеальное место, где можно спокойно пожить перед смертью. Меликсер же так не считала. В ее Турции, о которой она постоянно грезилась, за старыми людьми «смотрят» близкие родственники. И это – норма. Она вспоминала свою бабушку, которая много лет жила в их доме вместе с родителями и братьями Меликсер и до самой смерти чувствовала себя среди своих родных счастливой, обласканной.

Меликсер приехала в Германию вместе с братом, Рами, пять лет тому назад. Рами предложили в Деггендорфе хорошую работу, а Меликсер сначала жила с ним в пансионе, готовила ему, стирала. Но Рами очень скоро женился на хорошенькой молоденькой немочке, Еве, и переехал к ней, Меликсер же осталась одна. Можно было, конечно, вернуться домой, в Стамбул, но ей так понравилась Германия, что она решила еще немного пожить здесь, скопить денег на учебу. Хозяин пансиона в Деггендорфе подсказал ей, что в Штраубинге, в доме престарелых, есть одно место горничной, и, если она не против, он позвонит своей сестре Люлите, и та расскажет, в чем будет заключаться ее работа. Так Меликсер познакомилась с Люлитой Крафт. Люлита была старше Меликсер на двадцать пять лет. Полноватая, но пышущая здоровьем розовощекая женщина с открытой улыбкой и добрыми глазами, Люлита сразу же понравилась Меликсер, и она посчитала за счастье работать рядом с ней где угодно. Рами немного обучил ее немецкому, Люлита же, купив ей словари и самоучитель, сама занялась ее образованием. «Пойми, Меликсер, без языка тебе здесь будет очень трудно. Учи, зубри, иностранный язык еще никому не помешал». Понятное дело, она говорила это по-немецки, но Меликсер каким-то невероятным образом ее понимала. Точнее, догадывалась, о чем идет речь.

Так с помощью Люлиты она устроилась работать в дом престарелых в Штраубинге, на Пасауэр Штраубе. Название это, равно как и название улицы, где она поселилась в небольшом, скрытом большими частными особняками пансионе (Ландсхутер Штраубе), она запомнила наизусть и первое время боялась заблудиться, поэтому постоянно носила с собой в сумке карту города. Постепенно Люлита внушила ей мысль о том, что ей необходимо научиться водить машину. У нее в гараже стоял старенький «Опель», оставшийся от мужа. Люлита в силу своего характера боялась водить машину, поэтому предложила Меликсер поначалу в шутку стать ее личным шофером. Понятное дело, возить Люлиту по магазинам – дело несложное, но для Меликсер водительские курсы стали настоящей пыткой. Мало того что она не знала толком

языка, так еще и вождение! Она все-таки научилась водить, но никогда не позволяла себе лихачить – страшно боялась зацепить какую-нибудь шикарную дорогую машину, за которую ей бы потом пришлось расплачиваться всю свою жизнь. Постепенно в ее обязанности стали входить и другие услуги: помогать Люлите по хозяйству, убираться в сувенирном магазинчике подружки Люлиты, Ульрики Хассельман, такой же доброй и приветливой женщины, как и сама Люлита. Работа Меликсер всегда хорошо оплачивалась этими женщинами, и Меликсер поняла, что нашла в Штраубинге надежных покровительниц. Примерно через год Люлита пригласила Меликсер к себе вечером на чай, сказала, что есть разговор. Когда Меликсер пришла, то за накрытым столом сидела и Ульрика. И вот тогда ей и была предложена еще одна работа, лучше которой она себе и представить не могла: присматривать за пустующим временно домом и одновременно жить в нем, на самом верхнем этаже, в мансарде. Таким образом, она сэкономила бы довольно-таки большую сумму, которую она прежде платила за пансион, плюс небольшие, но верные деньги за содержание дома в чистоте и уход за растениями. Спрашивать, кому принадлежит этот дом и почему он пустует, она не посмела и, как оказалось, правильно сделала, сдерживая любопытство, – Ульрика сама сказала ей, что дом принадлежит одной турецкой семье и предназначен старшей дочери, которая поселится в нем сразу, как только выйдет замуж. И Меликсер на следующий же день съехала из пансиона и поселилась в новом доме, находившемся поближе к центру, на Линденштрассе. Каменный забор, увитый диким виноградом, чугунная, украшенная пышным растительным узором калитка, дорожка, выложенная камнем, высокое крыльцо... Настоящий крепкий трехэтажный особняк с прачечной, большой кухней, террасой, балкончиком.

Ранним утром Меликсер ехала на велосипеде (или на «Опеле» Люлиты) на службу в дом престарелых, ближе к вечеру забегала к Ульрике в магазин, где ее угощали чаем, помогала Ульрике (мыла полы, вытирала пыль с сувениров, чистила стеклянную витрину и настоящие медные дверные ручки), потом забегала к Люлите, ужинала у нее и прибиралась, если была такая нужда, в ее в доме и только к девяти часам возвращалась в дом и отдыхала, приходила в себя после тяжелого дня. Работы было так много, что иногда ей казалось, что ее покровительницы просто пользуются ею. Но это чувство исчезло и уже больше не возвращалось после одного случая, потрясшего Меликсер до глубины души и оставившее в ней след на всю жизнь: Люлита с Ульрикой сложились и купили ей дорогой компьютер. Об этом она не могла даже и мечтать! «Ты молодая девушка, у тебя вся жизнь впереди, ты должна учиться и осваивать компьютер, – сказала Люлита за празднично накрытым по этому поводу столом. – Мы присмотрели тебе и столик, и удобное кресло. Я нашла мастера, который обучит тебя самому необходимому и подключит Интернет». Меликсер расплакалась... Ей стало стыдно за свои мысли о том, что ее используют. Более того, ей показалось, что ей стали больше доверять. В ее присутствии Ульрика с Люлитой спокойно обсуждали свои дела, даже своих близких. Так Меликсер узнала о сложностях в семье Ульрики, о ее сыне Юргене, который отравлял жизнь своей жене и трепал нервы самой Ульрике, настаивая на том, чтобы определить ее в дом престарелых. Ульрика, рассказывая о том, каким грубым бывает Юрген, плакала, и сердце Меликсер сжималось от жалости, она готова была убить этого негодяя, посмеявшегося так издеваться над своей ангелоподобной матерью. Но она знала – никакого дома престарелых не будет, ведь рядом с Ульрикой – Люлита, и она никогда не допустит того, чтобы подружку без ее согласия лишили ее магазина и определили туда.

...Она убрала пылесос, тряпки, которыми стирала пыль с мебели, в кладовку, взяла небольшую лейку – настоящее произведение искусства, налила в нее воды и принялась поливать цветы, которых в доме было много – на подоконниках, в кадках на полу, на террасе. Однажды она точно так же поливала цветы, когда ей позвонила взволнованная Ульрика и сказала, что ей надо срочно отправляться на машине в Мюнхен и встретить одну русскую девушку. Что надо написать плакат с названием города – Штраубинг, чтобы русская не растерялась

в аэропорту и сразу поняла, что ее встретили, чтобы она успокоилась. Меликсер выполнила все в точности: встретила девушку и привезла в Штраубинг. Больше она ее никогда не видела...

Раздался телефонный звонок. На дисплее высветилось знакомое имя: Ульрика. И дальше все было, как тогда, – ее вновь попросили встретить русскую девушку в Мюнхене. И приехать туда с плакатом. Меликсер кивнула головой, пожала плечами и попыталась вспомнить, куда дела тот, первый плакат. Кажется, он в кабинете, на книжной полке. После разговора с Ульрикой она вернулась к цветам и спросила себя – не почудилось ли ей все это?

8

Штраубинг, 1991 г.

Фрау Ульрика вышла из поезда и остановилась, чтобы перевести дух. С первого шага, сделанного ею сегодня, ее не отпускало чувство, что за ней следят сотни и сотни глаз. Что все, кто ее видел сегодня с той самой минуты, как она сошла с крыльца своего дома, за ней уже наблюдают и точно знают ее железный маршрут.

С бьющимся, ухающим где-то на уровне желудка сердцем она простояла на перроне несколько минут, постоянно оглядываясь и пытаясь определить, кто же именно за ней следит. Получалось, что все. Абсолютно все! Даже тот длинноногий студент с рюкзаком за спиной и в смешных круглых очках на носу и тот солидный господин в вельветовом пиджаке, с брюшком, делавший вид, что читает газету. И девушка, с равнодушным видом кутившая рядом с киоском...

Но не затем она приехала сюда и отдала столько денег за билет, чтобы поворачивать обратно.

У нее разболелся живот. Она знала эту особенность своего организма – в самый ответственный момент у нее схватывало живот, и она ничего не могла с этим поделать. Словно воздушный шар раздувался и раздувался внутри ее и давил на все органы.

Хрупкая и стройная, фрау Ульрика Хассельман спустилась по лестнице в туалет, сунула несколько монет в автомат, чтобы пройти в кафельный рай, где она сможет хотя бы на несколько минут избавиться от этого унижительного ощущения, что за ней наблюдают, как за преступницей.

Она вышла оттуда с еще худшим чувством – тошнота подкатила к горлу, а внизу живота начались рези. Колени дрожали, во рту появилась сухость. К тому же кружилась голова. «Что со мной? Может, меня уже отравили? А я и не заметила? Но кто? Я сама, лично, своими руками вчера заваривала чай в магазине, а вечером, вернувшись домой, ничего не ела. Утром пила кофе. Стоп! Кофе был в термосе! Может, кто-то проник в дом и сыпанул туда яда?»

Она поднялась, и ноги сами привели ее в ярко освещенный вокзальный буфет, сверкающие витрины которого были заполнены ровными рядами ее любимых крапфелей – пончиков, политых розовой или шоколадной глазурью и посыпанных разноцветной сахарной пудрой. В любое другое время она бы с удовольствием, несмотря на разницу в ценах (в ее родном Штраубинге они стоили в полтора раза дешевле), купила бы себе парочку. И на кофе со сливками не сэкономила бы. Но теперь ей казалось, что и крапфели тоже отравлены, и что все здесь, на этом вокзале, таит в себе опасность.

Она не помнила, как вышла на свежий воздух, как двинулась в сторону улицы, на которой были расположены отели – много отелей. Они с Люлитой внимательно изучили подробную карту Мюнхена и путеводитель, прежде чем нашли отель «Регент», находившийся в получасе ходьбы от вокзала.

Ульрика не чувствовала ни своих ног, ни своего тела, разве что продолжала испытывать неприятное саднящее чувство в области поясницы. Казалось, она развалится на части прежде, чем увидит своими глазами этот отель, эту точку ее конечного маршрута. А что ждет ее там?..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.